
Алексей ПАНОГРАФ

ПОСЛЕДНИЙ КАРАИМ

Киносценарий

Уже с начала апреля в этом году весна уложила на обе лопатки дождливую ветреную крымскую зиму, еще в марте сдувавшую и смывавшую на улице все, даже местных жителей по дворам и квартирам. А приезжих в это время и нет почти, только командировочные. К Дню космонавтики абрикосовые деревья уже оделись в подвенечный, чуть с розоватым оттенком, наряд, ничем не уступающий по красоте вишне из Страны восходящего солнца. Регулярно возвещая о приходе нового дня там, в Японии, здесь, в Крыму, оно уже жарило по-летнему — сухо и колко.

Мужчина лет пятидесяти, худощавый шатен с обильной проседью, закатав рукава старенькой выцветшей ковбойки по локоть, открывает капот своего старенького «каблучка»-«опеля». Отклеивает прилепленную скотчем к внутренней стороне капота подковку, сделанную из куска толстого провода в оплетке, и замыкает ей напрямую от аккумулятора клемму трамблера. Мотор начинает рыпаться, делая порывистые чихи, хватая порциями топливо все чаще и чаще. В этот момент в кармане мужчины звонит мобильный телефон. Запачканной рукой он извлекает его из кармана.

— Да, слушаю.

В мобильнике журчит голос с довольно сильным южным акцентом:

— Брат, послушай, ты почему не приехал?

— Да я еду. Поломка.

— Мы ждем тебя. Ты сказал: утром, а сейчас полдень.

— Сейчас починюсь и приеду, все сделаю.

— Нехорошо...

Отбой, гудки. Мужчина снова подносит волшебную подковку к клеммам. Мотор, несколько раз прочихавшись, заводится.

* * *

На всем протяжении километров пятидесяти Крымского моста с прилегающими с обеих сторон участками нового шоссе очень мало машин. Дорога, словно прочерченная маркером линия, чужеродна пока в этой безжизненной степи. Однообразный пейзаж, никакого человеческого жилья. Позже дорога притянет к себе как магнитом очаги жизни: бензоколонки, кафе, мотели. Но пока она одинока среди голой степи.

Через Таманский залив в сторону Крыма мчится одинокий кроссовер-«паркетник» «Kio Sportage» с модным тюнингом и аэрографией в виде танкового сражения. Маши-

Алексей Панограф родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил ЛПИ им. Калинина по специальности «механик». Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора» и «ЛиТегатура» и в сборниках рассказов. Живет в Санкт-Петербурге.

на останавливается прямо на мосту. Из нее выходят два парня и две девушки лет двадцати. Они фотографируются на фоне моста. Один парень лезет на столб освещения.

Девушка-блондинка, Ксюша, кричит ему:

- Димон, ну хватит. Не надо выше лезть.
- Давай фоткай скорее. А теперь в полете...

Димон дурачится, отпускает одну руку, откидывается в сторону воды.

- Слезай, Димон, пожалуйста...

Мимо проезжает машина. Сигналит. Второй парень, Дюха, показывает вслед просигналившей машине два средних пальца.

В «Кia» за рулем остался сидеть водитель, Грег, как и остальные, студенческого возраста, брюнет с волевым подбородком, разделенным пополам небольшой ямочкой, довольно выдающимся носом с аккуратной горбинкой и темными, как бездна, глазами. Он опускает стекло и кричит своим друзьям.

- Все! Поехали.

Все садятся в машину, но Дюха бежит сначала к багажнику, а потом тоже залезает на заднее сиденье к девчонкам. У него в руках две бутылки шампанского Абрау-Дюрсо.

- Еееееууу!!! Мы в Крыму! Мы сделали это!

Грег с усмешкой:

- Не мы, а наша доблестная армия.

Дюха дурашливо изображает, будто стреляет с двух рук из бутылок с шампанским.

- Дыш, дыш, дыш. Крым наш!

Мост заканчивается. «Кia» уже катит по Крымскому полуострову. Люк в крыше открыт. Из него вылетает пробка от шампанского.

- Эй, покемоны! Не залейте мне машину.
- Не ссы, Грег...

Из люка вылетает вторая пробка. Элли, стройная брюнетка, высовывается из люка по пояс. В руке у нее открытая бутылка, из которой вырывается пена. Ее футболка залита шампанским. Следом вылезает Ксюша. Из машины доносится громкая музыка. Девушки на ходу пьют из горла и пританцовывают.

Димон орет из машины:

- Пролетите же ценный напиток. Верните бутылку.

Девушки отдают парням одну бутылку и машут руками, извиваясь телами в такт музыке.

Спустя примерно полчаса все, кроме водителя Грега, изрядно пьяны.

Димон орет:

- Грег, тормозни. Фрукты...

Впереди у обочины женщина лет пятидесяти пяти торгует фруктами, разложенными на ящиках. Вдалеке мужчина катит по тропинке тачку. Он подвозит фрукты своей жене из их домика, скрытого за деревьями.

Грег притормаживает, а Димон, опустив стекло, спрашивает:

- Почему это все?

Женщина начинает подробно отвечать о всех разложенных на ящиках фруктах. У нее украинский акцент.

Дюха, не слушая, пьяным голосом:

- Братя, вы че? У вас чего? Почему так дорого? Крым нашши!

Женщина встает с ящика, подходит к машине. В открытое окно протягивает несколько яблок.

- Збирате. Иште. Дай вам бог здоровья.

Машина рвет с места.

Дюха немного озадаченно:

— И точняк, Крым наш.

Муж подъезжает с тачкой к жене. Зло сплевывает в сторону уносящегося автомобиля:

— Нашто видавши без грошей? Занахабнивши зовсим. Крим их...

— Ну Мыкола. Це ж дити...

Машина несется по дороге. Элли подтягивается на руках и садится на крыше, свесив в машину только ноги.

Грег кричит, чтобы перекричать музыку:

— Дюха, держи ее, блин, за ноги. Крепче. А то сдует, и не заметим.

— Есть, кэп. Держать крепко.

— Но руки-то не распускай.

— Не распускаю... и не разжимаю. Видишь, как крепко держу.

Дюха обнимает ноги Элли, утыкается в них лицом, пьяно пытается целовать.

Грег видит это в зеркало.

— Э-э... полегче. Волю-то рукам не давай...

— Какая уж тут воля... один инстинкт... и чувство... безопасности..

Одной рукой начинает гладить выше колена по бедру.

Элли, наконец почувствовав, что ее лапают, орет:

— Ты чего, офигел? Отпусти.

— Не велено...

Элли брыкается. Высвобождает одну ногу. Пытается свободной ногой оттолкнуть Дюху и полностью высвободиться из его клешней. Заезжает ему ногой по лицу. Неспециально, но получается довольно сильный удар. Дюха выпускает ее, хватаясь руками за лицо. Из носа течет кровь. Теперь Элли никто не держит, и ее начинает отклонять назад. Еще чуть-чуть, и она может вывалиться. Грег видит это и тормозит машину, стараясь делать это очень плавно. Но Элли все равно по инерции бросает вперед. Она вываливается из люка и оползает по лобовому стеклу на капот. И лежит на капоте, растопырив руки и ноги. Грег выскакивает из машины. Пьяно вываливается Дюха, матерясь и продолжая держаться за разбитое лицо.

Грег испуганно спрашивает:

— Элли! Ты жива? Эй!

Элли лежит на капоте, не шевелясь...

Грег наклоняется к ней.

— Эй, вставай.

Дюха пьяно берет ее за ногу. Пачкает в крови. Проводит рукой по голени. Щекочет под коленкой. Элли дергается. Садится на капоте. Футболка порвана на груди.

Дюха смотрит на нее и начинает ржать. Элли действительно выглядит очень смешно, как потрепанная свадебная кукла на капоте. Рот Грега тоже растягивается в улыбке.

— Стопе, Элли. Замри, не шевелись.

Лезет в карман за телефоном. У него iPhone последней модели. Делает фотку. Это выбешивает Элли.

— Кретин!!! Пидор!!! Уроды!!!

Она спрыгивает с капота в сторону обочины и начинает движение в сторону от дороги. Дюха стоит ближе всего к ней, и Грег командует ему:

— Дюха, сажай ее. Хватит. Поехали.

Дюха пытается схватить Элли. Но она с размаху отвешивает ему оплеуху и коленом заезжает в пах.

— С...

Она со злости пинает машину, оставляя маленькую вмятинку на крыле, и идет в степь, в сторону от дороги.

Грег обходит машину. Сначала хочет побежать за Элли, но, увидев на авто вмятину, останавливается.

— Ладно, садись, Дюха. Пусть проветрится. А то совсем офигела...

И рвет машину с места.

Элли гордой независимой походкой ковыляет еще какое-то время от дороги в чистом поле. Гордость и независимость постепенно улечиваются. Она оборачивается. Машины друзей нет. Кругом, куда хватает глаз, вообще ничего нету. Только сорная трава перетекает с холма на холм. Неуверенной походкой начинает возвращаться к шоссе.

Машин на дороге мало. Голосует. Все проезжают мимо... Нога испачкана в крови. Футболка мокрая, в подтеках и порвана... Волосы спутаны... Элли начинает бить озноб. Скорее, не от холода — неуютно и страшновато.

Она стоит на обочине, пошатываясь. Одна машина приостанавливается. Открывается окно. Элли сразу берется за ручку, чтобы открыть дверь, но водитель, оценив непрезентабельный вид пьяной девушки, давит на газ. Элли по инерции дергается вслед за автомобилем и падает на четвереньки, разбивая коленку до крови...

* * *

«Каблучок»-«опель» едет по шоссе. Водитель напевает себе под нос песню и ест вишню, лежащую в полиэтиленовом пакетице на соседнем сиденье. У него звонит мобильник.

В трубке голос юной девушки:

— Алле. Папуня, привет. Ты как?

Вопрос задан не для получения ответа, а для соблюдения приличий, поэтому сразу же продолжает дальше скороговоркой со слезливыми нотками в голосе:

— Ты не мог бы мне выслать немного денег?

— Свет, что случилось? Я же высылал тебе, как обычно, первого числа? Ты собираешься приехать на каникулы сюда?

Голос Светы продолжает журчать в телефоне:

— Пап, мне сумочку подрезали.

Он не понимает.

— Что это значит? Где?

— Да я шла себе спокойно по Крещатику, а эти уроды на мотоцикле остановились. Стали спрашивать... А потом задний схватил мою сумочку, а передний рванул. Сумочка на плече висела. Меня так дернуло, что я упала и разбила коленки... До крови.

Он не верит. Думает, что дочь просто прогуляла высланные деньги или потратила на шмотки.

— Хорошо, вышло. А когда ты приедешь? — без надежды услышать положительный ответ он все же задает этот важный для него вопрос.

— Папунь, я решила, что съезжу в Москву к Машке. А в Крым в следующий раз. Машка звала. А ты можешь прямо сейчас выслать? А то у меня совсем по нулям?

— Хорошо, сейчас сделаю перевод.

Начинает на ходу делать перевод в мобильном приложении. Машин мало. Дорога прямая. За дорогой следит вполглаза. Ему остается только ввести подтверждающий пин. Краем глаза видит, что прямо на дороге стоит девушка...

Бьет по тормозам и еле успевает затормозить прямо перед пошатывающейся девушкой, которая упирается в капот рукой, чтобы не упасть... Тут только он замечает, что девушка стоит слегка наклонившись вперед, одной рукой оттягивает порванный ворот мокрой футболки и обнажает напоказ небольшую красивую девичью грудь.

Девушка делает победный жест рукой, поправляет футболку, которая из-за того, что порвана, все равно лишь едва скрывает грудь, и, изображая что-то среднее между подиумной и развязной походкой, огибает машину, распахивает пассажирскую дверцу и плюхается на сиденье, не замечая, что там лежит пакетик с вишней. Чувствует, что мокро.

— Ё-ё-ё...

Вынимает из-под задницы полиэтиленовый пакетик с раздавленными ягодами. Смотрит на него, морщит нос, открывает дверцу и выбрасывает. Водитель молча выходит, подбирает пакетик, высыпает давленную вишню в траву, а пакетик берет в машину и, скомкав, кладет в карман на дверце. Машина трогается. Водитель молчит, Элли немного озадачена.

— Я — Элли.

— Крым.

— Да... Крым хорош. Приехали отдохнуть. Но я потерялась...

— У вас...

Он смотрит на девушку:

— Можно на «ты», Элли...

— Ни фига се, какой быстрый, еще даже имени своего не сказал, а уже на «ты»...

— Я же сказал. Крым.

— Ну и что, что Крым. А имя есть?

— Меня родители так назвали. Крым — это мое имя, а не только родина.

— Гонишь, э-э-э... гоните. Нет такого имени.

— Правда, правда.

— А паспорт покажешь, ...жете?

Крым лезет в бардачок. Достает аптечку, на ходу одной рукой достает бутылочку с йодом, протягивает Элли.

— Открывай.

Сам берет вату.

— Наливай.

Элли смачивает вату йодом.

— Йод закрой.

Неожиданно прикладывает ватку с йодом к ее коленке. Элли орет и дергается. Крым наклоняется к коленке и интенсивно дует на нее.

Крым увлекся, стараясь задуть жжение, и машина начинает выезжать на встречку. Элли видит это и, схватив руль, дергает машину вправо. Крым мгновенно садится, удерживает машину на полосе, а навстречу проносится грузовик, недовольно сигналя.

— Спасибо... спасла нас...

Элли смотрит на свою коленку.

— И вам... тебе, Крым. Дальше уж лучше я сама.

Она достает перекись, пластырь. Заклеивает ранку, оттирает кровь.

Потом смотрится в зеркало и приводит себя в порядок, насколько это возможно.

Некоторое время едут молча. Потом Крым спрашивает:

— Как ты тут очутилась? Ты откуда?

— Из Москвы.

— Моя жена с младшей дочкой туда уехали два года назад.

- А сколько дочке лет?
- Сейчас уже семнадцать.
- А старшей?
- Двадцать один. Она в Киеве. А как тебя сюда занесло? Тебе, вообще, куда надо?
- Долгая история. Я и сама не знаю, куда надо ехать. Грег все организовал. Он знал, куда едем.
- Кто такой?
- Одну группу мой.
- А где учишься?
- МГИМО.

У Крыма делается лицо человека понимающего, что к чему, и невольная брезгливая улыбочка выдает его мысли.

Заметив это, Элли обиженно говорит:

- Я, вообще-то, на бюджет поступила.
- Без взяток?

Элли отрицательно мотает головой:

— Ну, репетиторы были. Но я по ЕГЭ и математику, и русский, и историю с обществознанием сдала больше девяноста.

— Без репетиторов теперь не бывает. Школа для аттестата, а репетиторы для знаний, — соглашается Крым.

— Да тоже не особо для знаний. Натаскивают конкретно на ЕГЭ.

Крым оглядывает рваную одежду Элли:

- Так и чего? Где твой Грег? Поругались, что ли?
- Да они напились, придурки.

Крым втягивает носом воздух:

- Ты тоже, похоже, не в стороне тихонечко сидела. И чего вас сюда в несезон принесло?
- Да нас этот Глобус очкастый развел... А Грег завелся, ну и все — отступить некуда.

Крым смотрит на Элли непонимающим взглядом.

— Глобус, ну это мы так историка нашего зовем. Он обозлился на нас. Ну, больше всего на Грега, конечно. Это же его идея была прикольноуться с флешмобом.

— С чем? Не понял.

— Ну, флешмоб — это акция такая массовая... Вот Грег и придумал приколом устроить. Глобуса Глобусом и прозвали, потому что у него в аудитории на кафедре стоит глобус. И Глобус во время лекций все время прохаживается за кафедрой и его рукой вращает. Грег сказал, что он это не случайно делает, типа, специально внимание наше сосредотачивает. Вращающийся предмет, как огонь и вода, — типа, на него смотреть можно бесконечно. Грег и говорит, типа, не хрен ему на нас, на живых людях, свои психологические эксперименты ставить. Давайте ему ответим, чтобы он понял, что мы не стадо баранов, которыми можно вращающимся глобусом управлять. Все согласились. Короче, Грег купил всем по крошечному сувенирному глобусу. Димон и я ездили ему помогать. Еще он презиков накупил. Перед лекцией мы их надули гелием, на каждом нарисовали очки, как у Глобуса, и усики и привязали к мини-глобусам. А еще у Глобуса есть привычка говорить постоянно слово «соответственно», где надо и не надо. Мы даже иногда пари делали, сколько он раз его за лекцию скажет, а потом считали. Кто угадал, того и банк.

— Почем играли?

— Да по мелочи. По пять штук.

По лицу Крыма видно, что пять тысяч для него совсем не мелочь.

— Ну так вот, Грег придумал, что во время лекции мы все достаем одновременно из-под парт эти глобусы с презиками. И еще начинаем петь со-о-о-ответ-сте-е-енно-о-о.

Мы даже порепетировали на перемене немного. Получилось неплохо. А Глобус завелся. Разорался. Кто, мол, это все устроил? Он Грега подозревал сразу. А Грег и отпираться не стал. Ну, Глобус ему и выдал: «Хрен-то там ты мне экзамен сдашь и о зачете не мечтай». На что Грег так спокойно ему заявляет: «Что же вы не за знания оценки ставите, а за личное отношение?» А Глобус еще пуще: «Какие у вас знания? Сдуваете все из Интернета. Так вот у вас, Григорий, это не прокатит. История — такой же живой предмет. Она на факты опирается, на то, что Земля сохранила». А тогда он как раз про историю Крыма вещал. Короче, Грег и вываливает, что он, мол, из Крыма привезет реальный реферат с фотками и даже с артефактами, если повезет. А чтоб не сомневались, селфи будет делать. Ну так вот мы и поехали. Я решила Грега поддержать и лучший его друг Димон тоже. С Димоном увязалась его девушка Ксюша, она нигде не учится. И еще Дюха, школьный друг Грега, я его раньше вообще не видела. Сели мы все в машину Грега, и вот мы здесь.

— А одна как осталась?

— Говорю же, они напились — придурки.

— Так тебе надо древности исторические из Тавриды? Знаю я одно интересное место. Могу свозить туда. Но сейчас мне срочно надо на заказ. Поедешь со мной?

— А куда ж я денусь...

* * *

Грег минут через пятнадцать поостыл и всем, а скорее, больше самому себе говорит:

— Пора вернуться за Элли. Проветрилась, нагулялась.

Он резко, в управляемом заносе, разворачивает машину и гонит назад. Ни он, ни остальные спутники не обращают внимания, как где-то впереди встречный «каблучок»-«опель» свернул с шоссе на грунтовую дорогу, ведущую к морю.

Возвращаются туда, где оставили Элли.

— Кажется, она здесь ушла, — не очень уверенно говорит Грег.

Ксюша восклицает:

— А где Элли?

Димон, осматриваясь:

— Да, это здесь было, вон столб километровой. Только не запомнил, сколько на нем было. А вон еще камень, помню его.

— Ну, и где она? — спрашивает еще не протрезвевший Дюха.

Грег достает мобильник и делает вызов. На заднем сиденье начинает играть мелодия звонка.

— Ты что, Элли звонишь? — спрашивает Ксюша. — Так ее сумочка и телефон здесь остались... И все вещи тоже.

Грег растерянно говорит:

— Может, она обратно пошла? Надо бы еще проехать немного в сторону моста.

* * *

В скрытой фруктовыми деревьями бухте на окраине Феодосии небольшой домик на берегу. Возле домика припаркованы две черные машины: БМВ-«пятерка» и «ниссан-патрол». У пирса пришвартованы пара небольших лодок и катер метров семь длиной с каютой. У дома стоит здоровенный мужик неопределенного возраста с наколками на предплечье, непроницаемым лицом и выбритой головой. Это — Гора. Он помощник и охранник Хозяина, который расхаживает по пирсу и говорит по мобильнику,

активно жестикулируя. Он в дорогом костюме, с золотым перстнем на мизинце. Черные с небольшой зальсиной волосы до плеч слегка вьются. Ему около сорока пяти лет.

К домику подъезжает «каблучок»-«опель». Крым выходит из машины. Хозяин замечает его, завершает разговор и идет навстречу. Не дойдя метров пять, он смотрит на часы.

— Скажи, да-ра-гой, почему один уважаемый человек... Ты ведь уважаемый человек? Заставляет ждать другого уважаемого человека. Разве можно так сохранить уважение?

— Я же говорил. Мотор по пути заглох, заводиться не хотел...

— Да ведь ты же по моторам мастер? Или ты плохой мастер? Сапожник без сапог?

В этот момент Элли выходит из машины. До этого она с помощью подручных средств из аптечки приводила себя, как могла, в порядок.

Хозяин, заметив ее, удивляется:

— А это кто? Твоя дочь? Здравствуй, красавица.

— Здравсьте.

Крым Хозяину:

— Нет. Дочери разлетелись кто куда... Это Элли из Москвы.

Хозяин оценивающе оглядывает Элли с ног до головы.

— Так бы сразу и сказал, хм... а то мотор не заводится. Ладно, идем. Время — деньги. Ты ведь приехал отдать мне свое время в обмен на мои деньги, а сам уже отнял у меня столько времени...

Крым берет ящик с инструментами и направляется к катеру вместе с Хозяином. Гора идет за ними на расстоянии четырех-пяти метров позади. Элли в нерешительности: она не знает, идти ли ей с ними. В этот момент из домика выходят двое молодых мужчин лет тридцати-тридцати пяти. Один с черными густыми вьющимися волосами и орлиным носом — похож на Хозяина, только худощавого телосложения, в отличие от Хозяина, у которого явно выступающее брюшко. Он в джинсах, белых теннисках, в рубашке кремового цвета, расстегнутой до пупа, выставляющей напоказ волосатую грудь. Это Младший брат Хозяина. Второй пониже, поплотнее, коротко стриженный, в футболке и обтягивающих шортах до колена — его друг. Они метрах в пяти от Элли. Рассматривают ее и какое-то время молчат. Элли бросает взгляд на них, кивает, отворачивается, потом снова смотрит на них.

Длинноволосый подходит к БМВ. Перегибается внутрь через опущенное стекло водительской двери и включает радио. В мощных динамиках тут же начинают гулко стучать басы.

— Это David Guetta? — угадывает Элли.

— Верно. Нравится?

— У нас в фитнесе под нее делаем степ.

— Я — Тимур. А это Ерикей, можешь звать его Эрик.

Через полчаса Крым почти завершает ремонт мотора. Потягивается, разминая затекшие ноги, осматривается. Хозяин метрах в двадцати на пристани, активно жестикулируя, разговаривает по телефону. Гора сидит неподвижно рядом с лодкой. А нет Элли! Крым еще раз оглядывает берег. Перед его глазами встает картина старшей дочери, как у нее подонки вырывают сумку. Крыму становится беспокойно. Он идет в сторону домика на пристани.

Гора спрашивает:

— Куда?

— Надо зажим для тестера в машине взять. Померить напряжение.

Гора остается на месте.

Крым доходит до машины, припаркованной рядом с домиком, открывает ее, роется в багажном отделении. Берет большой разводной ключ и прячет его в рукаве. Специ-

ально не закрывает заднюю дверцу и под ее прикрытием идет к домику. Открывает дверь. Заходит. А там картина маслом. Коренастый Эрик держит Элли сзади, зажав одной рукой рот, а Тимур уже спустил штаны и подходит вплотную к Элли. Она безуспешно пытается вырваться.

В этот момент Эрик замечает Kryма. Это отражается на его лице. Тимур поворачивает голову. Медлить нельзя. И Крым, выхватив ключ, бьет им со всей дури по плечу Тимура. Эрик немного ослабляет от неожиданности хватку, и Элли, брыкнувшись, вырывается из его лап.

Крым, продолжая размахивать ключом, кричит:

— Не подходи, угондошу насмерть.

Элли убегает к нему за спину, а Тимур корчится на полу от боли. Похоже, Крым сломал ему руку. Крым пятится к двери, продолжая махать гаечным ключом. Они выходят из комнаты в прихожую. Крым захлопывает дверь и вставляет разводной ключ в ручку так, чтобы ее было не открыть.

Они с Элли садятся в машину, по дороге захлопнув заднюю дверь. Крым заводит мотор. Тот опять капризничает. Гора замечает, что Крым в машине. Туго соображает, но понимает, что что-то не так. Встает. Начинает движение к «каблучку»-«опелю». Крым еще и еще раз поворачивает ключ в зажигании. Стартер крутит, но мотор не схватывает.

Гора не умеет ходить быстро, но он уже приближается к машине. Крым выскакивает из машины и толкает ее. Впереди небольшой уклон, машина начинает катиться, Крым запрыгивает на ходу, выжимает сцепление и втыкает передачу, потом отпускает сцепление. Машина дергается и заводится. Он жмет на газ...

Элли какое-то время сидит молча. Ее трясет, словно она только что вылезла из холодной воды. Потом начинает нервно, судорожными движениями поправлять на груди еще сильнее порвавшуюся футболку.

Когда они выезжают на шоссе, Крым выходит из машины. Берет в багажном отсеке сменную рубашу и замечает, как из-за деревьев проглядывает несущийся в их сторону.

Крым быстро садится в машину, бросает рубашу Элли, а сам жмет на газ.

Элли надевает его рубашу. Она, конечно, очень велика ей, но в умелых руках превращается во вполне дизайнерский прикид. Она подворачивает рукава, завязывает узлом снизу, что-то еще вытворяет с его рубашкой, пока Крым уходит от погони, используя свои знания местности и дорог.

* * *

Южный вечер. Еще не стемнело, но солнце уже зашло.

— Кажется, нам удалось оторваться. Сейчас доедем до одной очень потаенной бухты. С берега мало кто знает к ней дорогу, даже из местных.

Они уже давно съехали с дороги и просто едут по поросшей травой степи. Они упираются в кустарник, прямо из которого растет высокая каменная скала.

— Дальше пешком, — говорит Крым.

Крым берет из багажного отделения рюкзак, дает Элли котелок, и они отправляются через кустарник к скале. И вот Крым раздвигает ветки, и за ними открывается вход в пещеру. Это оказывается довольно длинный тоннель в горе, который выводит их в крошечную бухту.

Крым расставляет палатку и разжигает костер.

— Теперь самое время подумать об ужине. Ты посиди пока, погрейся.

Элли сидит у костра, обхватив колени руками. Вскоре Крым в болотных сапогах возвращается с садком в руке. В нем мидии. Он выкладывает их на железный лист и устраивает его на четырех камнях, расставленных вокруг костра. Мидии огромные.

— Это место, когда я еще был мальчишкой, показал мне отец. Мы ездили сюда на велосипедах. А ему показал мой дед. А тому мой прадед.

После паузы Крым продолжает:

— В тысяча девятьсот двадцатом они должны были уехать из Ялты в Турцию вместе с остатками армии Врангеля. Прадед мой Никодим был из местных мещан. Из караимов. Красавец. И в него влюбилась баронесса молоденькая московская, когда отдыхала в Крыму. Так влюбилась, что переехала жить в Таврию.

— А ее родители? Не возражали?

— Еще как. Грозилась проклясть, лишит наследства, когда она после летнего отдыха в Судак, познакомившись с прадедом, написала им, что остается в Крыму с Никодимом. Родители ее приехали в Судак и ей такой скандал закатили. Но она была единственной дочерью. И еще, я думаю, не последнюю роль в том, что ее родители сдались, сыграла мать — оценила выбор дочери, по-женски поняла ее. Красавец Никодим был знатный. Но с зятем они не общались, а дочери дали денег на покупку хорошего дома в Ялте и на обзаведение хозяйством, после того как у них с Никодимом родился мой дед.

— А что случилось? Они, значит, не уехали тогда в Турцию, раз ты здесь?

— Две подводы погрузили вещей на корабль. Сели. Деду десять лет тогда было.

Раковины мидий на листе начинают раскрываться. Крым берет одну, лезвие ножичка просовывает сквозь образовавшуюся между двух половинок щель и разделяет на две половинки. Подцепляет ножом моллюска, пробует.

— Готово. Можно есть.

Он берет с листа несколько больших мидий, кладет в выдавшую виды, облупленную со всех сторон эмалированную миску и протягивает Элли. Достает из сумки лимон, разрезает пополам. Одну половину отдает Элли.

— Капай по капле. Будет хорошо. А, да, на вот...

Крым достает из рюкзака вилку. Видит, как Элли немного брезгливо смотрит на старую потемневшую вилку, забирает ее обратно и идет к морю помыть.

Южная ночь уже вытеснила остатки дневного света. Только тлеющие угольки в костре перемигиваются, как новогодняя гирлянда.

Элли подцепляет одного моллюска, съедает. Она проголодалась. Берет следующую мидию.

— Ну как?

— В чесночном соусе, конечно, лучше, но так тоже норм... Ой... черт...

Элли выплевывает недожеванную мидию в миску. Что-то звякает.

— Черт. Чуть зуб не сломала.

Крым берет миску у нее из рук и разглядывает в отблесках костра. Достает из миски маленькую серую горошинку и говорит с восторгом:

— Ты везучая. Это же жемчужина, и немаленькая! Смотри.

Элли рассматривает на его ладони невзрачный серый шарик.

— Это жемчуг? — спрашивает она с недоверием.

— Вне всякого сомнения.

— Да и что с твоим прадедом-то было тогда? Это ж в революцию было, да? Гражданская война, красные, белые. Врангель — помню, в школе проходили. А про то, что он сбежал из Крыма в Турцию, не знала. Я считала, что тогда всех белых или повесили, или расстреляли.

Крым уходит через тоннель к машине. Возвращается с металлической коробочкой в руках. В ней что-то позвякивает. В свете огня от костра Крым бережно открывает крышку. Это старинная, вся потертая жестяная коробочка из-под чая. На ней надпись «Кузнецов» с ятем на конце.

Достает из коробочки довольно длинную нитку жемчуга. Перламутр блестит в свете огня.

— Они уже на корабле были. Погрузка заканчивалась. И вдруг дед, еще мальчишка десятилетний тогда, как будто его кипятком ошпарило. Он это сам мне рассказывал, когда я еще маленький был, что он чуть не взвыл не хуже пароходного гудка, но сдержался и только отца своего за рукав потянул и сказал ему шепотом:

«Нам надо домой, скорее».

А Никодим и сам с тоской смотрел на родные с детства берега.

«Что случилось?» — спросил.

«Я шкатулку в тайнике под половицей забыл. Пап, в суматохе забыл. Прости».

Короче, они не стали пугать маму, сказали ей, что сейчас спустятся на нижнюю палубу, проверить в вещах. А сами на берег и в толпе, чтобы мать не заметила, из порта выбрались. Никодим-то, прадед, как мне дед говорил, не мог не понимать, что они уже не успеют. Это он, мальчишка, верил тогда, что сгоняют быстро до дома и вернуться. А где там быстро? Извозчики все нарасхват, не дозовешься, не дождешься. Не успели. Баронесса уплыла, а они остались. Дед говорил, что Никодим очень не хотел уезжать, несмотря ни на что, и был тогда рад, что он ему такой повод дал остаться.

— А что там в тайнике-то лежало?

Крым, кивая на коробочку, достает из нее длинную нить с красивыми жемчужинами.

— А вот это. Только нитка тогда еще совсем короткая была. Ее Никодим и начал собирать. Для сына... как погремушку сначала. Вот видишь — от этого узелка до этого Никодим наловил. Потом дед продолжил до этого узелка и своему сыну, моему отцу, передал. Отец хоть и маленький в войну был, а сохранил.

— Это в какую войну?

— В Великую. В войну с немцами в сороковых годах. Немцы, когда в Крым пришли, деда они не трогали. Он караим. И отец мой караим. Их Гитлер не уничтожил, потому что евреи от караимов открестились. А жена его, бабушка моя, еврейка была. Он ее спрятал, говорил, что ушла она от него. Да, видно, кто-то выдал. Немцы нагрянули. Нашли. Дед бросился защищать жену. Силен был. Немцы его тут же в доме на глазах сына, которому тогда девять было, застрелили, а мать, бабушку мою, в лагерь забрали. Там она и погибла.

— А отец твой как?

— Выжил. И шкатулку эту с жемчугом сохранил. И сам продолжил. Вот от этого узелка до этого — его бусинки. А дальше уже мои. Отец рано умер. От рака желудка. Военное и послевоенное беспризорное голодное детство сказалось. Ладно, иди спать укладывайся. В одеяло там завернись поплотнее. Я потом тоже лягу.

Проснувшись ранним утром, Элли вылезает из палатки. Холодно. Она пытается разжечь костер, но ничего не получается. Залезает в палатку, чтобы разбудить Крыма, но увидев его сладко посапывающим, решает не делать это. Собирает на берегу мелкие сухие палочки, складывает шалашиком. Ей все-таки удается развести огонь. Гордая собой, греется у костра.

Через некоторое время из палатки вылезает встревоженный Крым, но увидев Элли, улыбается. Берет шкатулку Кузнецов и достает из нее красивую блестящую бусину, отливающую розоватым цветом.

— Это твоя жемчужина.

Элли недоуменно смотрит на нее:

— Шутишь?

— Она ночью сбросила свою лягушачью шкуру и превратилась в прекрасную принцессу.

— А если правда?
— Я ее отшлифовал и отполировал. Так со всеми жемчужинами делают. Давай собираться. Ты молодец, что костер развела. Сейчас воду вскипятим, чай заварим, и надо в дорогу.

* * *

Бензин на нуле. «Каблучок»-«опель» сворачивает на заправку. Машин не видно. Крым вставляет в бак пистолет и начинает заправлять. А Элли идет в туалет в кафе-магазине. Выходит из туалета, в магазине пусто, даже кассирша ушла куда-то во внутреннее помещение. Элли хочется есть. Она, сглатывая слюну, смотрит на жарящиеся на гриле сосиски. Но идет к выходу, денег-то нет. В дверях сталкивается с входящим женщиной, владельцем черного «гелендвагена», подъехавшего на заправку. Мужчине лет сорок. Высокий. С небольшим пузиком. Густая черная щетина на щеках. Элли хочет обойти его справа, но он загораживает проход. Слева. Мужчина смещается в дверном проеме в ту же сторону, что и Элли. Она смотрит ему в лицо. Он нагло улыбается улыбкой человека, который считает, что ему все можно, и он не привык к отказам. Элли поднимает брови, изображая удивление и неудовольствие. Кивком показывает, что ей надо пройти. Он отрицательно мотает головой. Элли показывает рукой, что обойдет его справа. Он отрицательно мотает головой и, широко раздвинув ноги, показывает рукой, что Элли может проползти у него между ног. Элли придвигается к нему, упирается ладонями в дверную раму и делает резкое движение правым коленом в направлении его паха.

Останавливает движение в сантиметре от цели.

— Ой, страшно... Ладно, все, красавица, сдаюсь... — притворно поднимает руки вверх Небрить.

— Пропусти.

Небрить, продолжая загораживать проход:

— Конечно, конечно, пропущу. Пропущу с тобой по чашке кофе и пропущу... Пропущу тебя пару раз...

Небрить смеется над своей шуткой. Элли вдруг меняет тактику. Игриво проводит ладонью по груди Небрить от шеи до живота.

— А ты ничего такой... Если побрить...

Небрить смеется.

— Давай мне два хот-дога, кофе большой... Тоже два...

Начинает ходить по магазину и набирает: шоколад, печенье, нарезки сырны, воду. Тащит все на кассу. Небрить присвистывает. А кассирша уже подает два хот-дога и кофе.

— Че это ты набрала? Тебя звать-то как? Мы чего с тобой...

Элли перебивает его. Она уже почувствовала свою власть.

— Я — Элли, а ты, Красавчик, не киксуй. Я сама всегда за себя плачу.

Кассирша упаковывает все в пакет и вопросительно смотрит, кто будет платить. Элли притворно лезет в карман. Изображает изумление.

В этот момент за стеклом видно, что Крым завершил заправку и вешает пистолет.

— Ой, сейчас батя придет. Давай быстрее телефонами обменяемся. Заплати, я тебе сейчас на телефон сразу переведу. Кэш забыла. Батя злиться будет.

— Чего нам твоего батю...

— Тебе ничего... А мне проблемы не нужны, ну, диктуешь телефон, пока он не пришел?

Кассирша вертит в руках уже поданную ей Небрить банковской карту.

— Ну что, оплачиваем?

Небритый смотрит не очень доверчиво на Элли.

— Э-э-э, нет. Ты свой телефон давай, я сейчас позвоню.

— Давай пиши быстрее...

— Дак оплачивать будем? — торопит кассирша.

Элли диктует номер своего телефона. Нebrитый пишет и кивает. Кассирша расценивает его кивок как разрешение снять по карте оплату, а Нebrитый набирает номер. Гудки. Никто не подходит. Нebrитый вопросительно смотрит на Элли.

Элли смотрит через стеклянную стену на Kryма.

— А, я ж его в машине оставила.

В этот момент в трубке наконец отвечают и звучит мужской голос:

— Алле.

Это Грег взял трубку.

В то же самое время через витрину магазина они видят, что Kryм моет стекла автомобиля, а свободной рукой находит в кармане свой телефон и подносит его к уху.

В трубке Нebrитого голос Грега:

— Кто это? Элли, ты?

А Kryм тем временем отвечает на свой входящий звонок:

— Мама, привет. Я тебе перезвоню через пять минут. Сейчас руки заняты.

В трубке слышен женский голос:

— Kryм, Kryм, у меня ЧП, обязательно позвони...

Kрым уже вешает трубку. Нebrитый и Элли видят это сквозь стеклянную витрину магазина. Нebrитый решает, что получил Эллин номер, и нажимает отбой. Элли посылает Нebrитому воздушный поцелуй, хватает мешок с едой и спешит к машине.

— Не забудь позвонить мне вечером, Красава, — кричит она ему в дверях.

Элли почти подбегает к машине. Kryм уже закончил мыть стекла.

— Скорее едем.

Kрым видит огромный мешок с едой, вспоминает, что так и не успел закончить перевод для Светы.

— Надо расплатиться.

— Садись скорее. Поехали. Пожалуйста... быстрее. Все уже оплачено.

— У тебя же нет денег. Так нельзя...

Элли отвечает резко:

— Все оплачено. Я же сказала. Вот чек.

Увидев чек, Kryм садится в машину, но на его лице недоумение.

— Сомневался? У меня кредит на «Лукойле». Поехали. Ты забыл, что за нами погоня? Давай скорее.

Kрым пытается завести машину, но стартер опять не схватывает.

Небритый еще в магазине. Его попутчик тоже заканчивает заправлять «гелендваген». Нebrитый берет себе кофе и заказывает еще два хот-дога.

В это время у него звонит телефон. «Элли». Он уже занес номер в записную книжку. Берет трубку и слышит тот же голос Грега:

— Алле. Вы только что звонили на этот номер. Алле. Алле, — настойчиво повторяет Грег.

Небритый думает, что это Элли нажаловалась на него папаше и тот звонит, чтобы разобраться. Задумывается. Решает оборвать звонок. Наконец «каблучок»-«опель» вдруг заводится, и Элли с Kryмом уезжают с бензоколонки.

У Нebrитого снова звонит телефон. «Салбай-катер» высвечивается на экране.

— Алле, дорогой. Рад слышать. Как поживаешь? Как катер? Когда поедem кататься?

Голос Хозяина в трубке:

— Слушай, а ты сейчас где? Далеко?

Небритый:

— Нет. Рядом. На заправку заехал. Как раз к тебе собирался.

Хозяин в трубке:

— Мне пришлось отъехать. Чудака тут одного ишу. Шутник такой этот моторист оказался.

— Он мотор починил? Мне нужно вечером позарез прокатить одного человека... хорошего человека.

Хозяин со смешком:

— Знаю я твоих хороших. Помоги чудака найти. Он на «каблук» таком старом белого цвета. Девчонка еще с ним должна быть.

Небритый складывает в голове два и два.

— Кажется, я их только что видел здесь, на бензоколонке.

— Где? Какая бензоколонка?

— «Лукойл». Этот, что за ореховой рощей.

— Не в службу... Подержи его до моего приезда. А то мне должок с него взять надо.

— Хорошо, Салбай, сделаем.

* * *

«Каблук»-«опель» едет по пустынной дороге. Кругом холмы, покрытые лишь травой, кое-где мелкий кустарник. Дорога в пределах между холмами хорошо просматривается.

Крым набирает номер матери:

— Алло, мама.

Голос матери в трубке:

— Алло, сынок, это ты?

— Что случилось, мама?

— Да я уж сбилась с ног. Ты не звонишь. Я не знаю, что делать. Соседский Абрек загнал моего Барсика на тополь. На тот, который у калитки. Высоченный такой, и снизу веток нет. Барсик от него взлетел туда наверх. А я говорила соседке, зачем, мол, вашего Абрека пускаете без поводка. Там же у нас в заборе слон пролезть может...

Элли поворачивает зеркало заднего вида так, чтобы ей было видно, что сзади. Видит, что за ними едет «гелендваген».

— Крым, а побыстрее можем?

— Сейчас, мама, подожди минутку. А что там?

— Погоня.

Вдруг впереди навстречу из-за поворота выскакивает БМВ. До нее еще метров триста. БМВ тормозит и в торможении встает поперек дороги. Выскочивший за ней из-за поворота «ниссан-патрол» чуть не врежется в своих же. Чудом уходит от столкновения, вырывая на обочину влево.

— Черт. Это они.

«Каблук» начинает притормаживать и съезжает с дороги, чтобы объехать затор. Съехав на пять метров от дороги, «опель» вязнет в бездорожье.

Полноприводный «ниссан» съезжает с дороги и встает перед «каблук».

Сзади подъезжает «гелендваген» и тоже блокирует «каблук».

Из БМВ, оставленного на дороге, выходят Тимур и его друг. У Эрика в руках бейсбольная бита.

Крым берет из-под сиденья монтировку. Выходит из машины и блокирует двери. Элли тоже порывается выскочить. Дверь заблокирована. На ее лице застыл ужас. Она вжимается в кресло.

Эрик идет напрямик на Крыма. Приподнимает бейсбольную биту до уровня пояса. Тимур по кругу начинает обходить «опель», направляясь в сторону пассажирской двери.

Из «ниссана» выходит Хозяин. Из «гелендвагена» — Небритый. Они приветственно машут друг другу руками. Как будто они просто случайно встретились на дороге и между их машинами не зажат «каблук»-«опель» с водителем, стоящим с монтировкой в руках.

— Рад видеть тебя, Салбай. Когда пойдем на мыс Аю-Даг? Мне говорили, что там сейчас хорошо бычок клюет.

— Да, надо сходить. Пока ветер не поменялся.

Эрик уже подошел к «опелю» на расстояние пяти шагов. Крым сделал полшага навстречу, отойдя от машины, чтобы иметь пространство для маневра. Перехватил удобнее монтировку.

Сероватое небо. Солнце в дымке сплошной пелены полупрозрачных облаков. Бурая земля с небогатой растительностью. Белая клякса «опеля», с трех сторон окруженная черными прямоугольниками. И люди-муравьишки среди этих черно-белых пятен. Такая примерно картина открывается с вершины ближайшего холма.

Вдруг со стороны этого холма доносится рев моторов. И через мгновение на вершине холма появляется БТР, а рядом и второй. Словно они на автогонках, БТРы бросаются вниз с холма, прямо к стоящим машинам. Они приближаются очень быстро, поднимая клубы пыли. Все участники встречи, кроме Крыма, поворачивают головы и смотрят на приближающиеся военные машины.

Еще через несколько секунд один БТР, добравшись до стоящих машин, резко останавливается напротив «опеля», а второй, взяв правее, обходит препятствие и выскакивает на дорогу рядом с БМВ.

В обоих БТРах откидываются верхние люки, на башню вылезают военные. Из того, который затормозил перед машинами, — старший лейтенант, высокий стройный блондин. Из второго — коренастый, небольшого роста, кривоногий лейтенант.

Кривоногий кричит:

— Пиво с вас, старлей. Мы вас сделали.

— Хрен тебе, Серега, а не пиво. Я шел на корпус впереди. Видишь, тут пикник на обочине. Не давить же мне мирное население.

— Не гребет, уплотнено. Договаривались до шоссе. Мы же объехали.

Старлей замечает в машине Элли. Видит ее наполненный ужасом взгляд.

— Серега, тут дамы. Ты своим французским-то не слишком хвастай.

Он окидывает взглядом диспозицию и начинает догадываться, что тут происходит.

— Братя, чего случилось? Обломался кто-то? Или просто завязли в грязи?

Хозяин отвечает:

— Да нет, брат, все путем. Старых друзей по случаю встретили на дороге.

— А мне бы помощь не помешала. Засел капитально. Дернешь, брат? — обращается Крым к старлею.

Кривоногий Серега спрыгивает на землю. Из его БТР вылезают еще двое рядовых с автоматами. Старший лейтенант тоже спускается на землю и подходит к пассажирской двери «каблучка». Читает и в глазах, и по губам Элли: «Нам нужна помощь. Это бандиты».

— Вас, наверное, служба ждет, защитники? Торопитесь? Мы его вытянем, не переживайте. Здесь не бросим, — нарочито добродушно говорит Хозяин.

— А вас, наверное, жены и подруги заждались. Не огорчайте своих девочек. Кому нужны женские слезы, — отвечает с угрозой в голосе старлей.

Никто не двигается с места. Все словно застыли. Пауза. Из двух БТРов уже вылезло пятеро солдат. Все с автоматами.

Старший лейтенант кричит командным голосом:

— По машинам, я сказал. Считаю до пяти. Раз, два...

Хозяин, накидывая звездочку старлею, бурчит:

— Зря ты так, капитан...

Никто не двигается. Старший лейтенант выхватывает пистолет и стреляет в воздух.

Первым в машину залезает Небритый. Эрик и Тимур медленно начинают отступать на дорогу к своему БМВ. Кривоногий Серега делает легкий кивок, повернувшись к одному из солдат своего экипажа. Тот прошивает землю перед ними короткой очередью. Тимур и его друг ускоряются и, быстро дойдя до своего БМВ, прыгают в него. Хозяин, качая головой, тоже садится в «ниссан».

Машины бандитов начинают выезжать на дорогу. Крым все еще стоит, сжимая монтировку. В этот момент у него звонит телефон. Он не сразу понимает, что это его телефон. Берет трубку.

— Алло. Да, доча, слушаю.

В трубке голос Светы:

— Пап, ты же вчера обещал перевод сделать...

Крым:

— Да, да, сейчас...

В этот момент тот же рядовой видит, что машины бандитов не торопятся уезжать, дает очередь из автомата в воздух.

— Папа, что там такое? Что за грохот?

— Да так, ничего, дочь. Посуда вся с полки полетела. Сейчас переведу... Сейчас, сейчас...

Старший лейтенант улыбается Элли. Делает приглашающий знак выйти. Берется за ручку дверцы, чтобы открыть. Дверь не открывается. Элли тоже пытается открыть изнутри, но не может. Старлей показывает дулом пистолета на кнопку разблокировки дверей. Элли тычет в одну, в другую, потом наконец попадает в правильную кнопку. Офицер галантно распаивает дверцу «опеля» и помогает Элли выйти. Она еще дрожит так, что зуб на зуб не попадает.

— Чего, холодно?

Элли отрицательно качает головой.

— Страшно, да?

Элли смотрит на красивого молодого офицера и начинает приходить в себя. Вспоминает, что она, вообще-то, хоть и в этой провинциальной глуши, но московская штучка. Начинает входить в образ.

— Нет, просто в туалет охота. Я — Элли.

И протягивает ему свою ладонь. Старлей еще держит пистолет в правой руке, не ожидая такого поворота, смущается и протягивает ей руку с пистолетом.

— Лев.

Элли уже пришла в себя и берет ситуацию в свои руки.

— Трусливый Лев? За храбростью к Гудвину мчится со своими железными дровосеками?

Лев расплывается в глупой улыбке. Потом собирает мозги в кучку и начинает подыгрывать.

— Ага. Гы-гы. А вот того узнаешь — Страшила.

Он показывает на кривоногого Серегу.

— А это с тобой кто?

Крым сосредоточенно делает на телефоне перевод денег. Но сигнал все время пропадает, и у него ничего не получается.

— Тотошка. Разве непонятно?

Лев приободряется.

— Ну чего, рванем вместе в какой-нибудь изумрудный город?

— Где кругом одни зеленые человечки? В казарму, что ли?

— Зачем в казарму? Я на квартире живу. Залезай в мой «кадиллак».

Элли становится любопытно:

— В катафалк, говоришь?

Лев помогает Элли забраться на БТР, стараясь подольше задержать ладонь на Эллиной заднице. Запрыгивает сам.

— Подожди, я первый, потом приму тебя. А то там темно как у негра в жопе.

Залезает в люк и помогает Элли тоже спуститься внутрь. При этом прижимает ее и, пользуясь темнотой, целует. Элли отталкивает его. Внутри БТР тесно. Она стучится головой об железо, вскрикивает.

— Ой, блин...

Крым слышит этот крик Элли. Отрывается от телефона. Видит, что Элли нет. Догадывается, где она, и бежит к БТР. Он опять не успел ввести пин-код, чтобы завершить перевод. Лезет на башню. Заглядывает в люк.

— Элли, что случилось?

Из чрева бронемашины раздается голос Левы:

— Ты куда? Гражданским нельзя. Тут не музей, боевая техника.

— Элли, давай руку, — не обращает на его слова внимания Крым.

Одним рывком вытягивает Элли из БТР, как морковку с грядки.

— Чего там твой Тотошка разгавкался, — ворчит Лев.

Крым идет к машине.

— Элли, поехали.

Они садятся в «опель». Он неожиданно сразу заводится. Лев сидит уже на башне БТР. Крым врубает заднюю и выезжает из ямки.

Элли высовывается из окна, посылает Леве воздушный поцелуй и кричит:

— Телефон записывай.

Диктует цифры. Лев пишет. Крым выруливает машину на дорогу и поворачивает в сторону, противоположную той, куда уехали бандиты.

* * *

«Каблучок»-«опель» медленно поднимается по серпантину. Дорога неровная, каменистая. С одной стороны обрыв. Они поднимаются к древнему городу караимов — Чуфут-Кале.

Элли укачивает на ухабах. Она просит остановить. Ей плохо. Она выходит и блюет с обрыва. Ее пошатывает. Крым едва успевает ее удержать на краю.

Крым и Элли заходят в пещеру. Идут по подземным коридорам, освещая дорогу фонариком в телефоне. Элли судорожно вцепилась в руку Крыма. Вдруг под ногами что-то зашуршало.

— А-а-а, мама! Кто там?

Крым переводит луч фонарика. Крупная ящерица убегает у них из-под ног.

Они идут дальше. Входят в большой грот. Крым уверенно идет через него к небольшой нише. Элли, двумя руками вцепившись в руку Крыма, семенит за ним. Крым передает Элли фонарик.

— Свети.

Он откатывает два больших камня, за которыми обнаруживается лаз. Через него можно пролезть только ползком. Крым забирает у Элли фонарик и уползает в лаз.

— Не надо. Я не хочу, — хнычет Элли.

— Залезай. Ты же хотела древние артефакты. Здесь главная тайна караимов и всей Тавриды.

Элли заглядывает в лаз. Крым освещает его с другой стороны. Он небольшой, как дыра в толстой стене. А за ней совсем маленький гротик. Элли ползет в него.

Крым проходит лучом фонарика по стенам гротика. И на стенах начинают зажигаться маленькие огоньки. Крым находит на стене небольшой камень, вынимает его и освещает скрытую за ним совсем маленькую нишу. Светит. Там несколько прозрачных кристаллов причудливо приросли к каменной стене и напоминают по форме распустившийся цветок.

— Вау, супер... — не может сдержать восторг Элли.

Крым выключает фонарик, но в гроте светло. На стенах множество светящихся точек, как звезды на небе, и самый яркий — кристалл.

— Что это?

Крым берет за руку Элли и ставит ее рядом с кристаллом. Потом фотографирует.

— Это кристалл Сариона. Так говорил мне отец, а ему дед, а ему прадед.

— А что это?

— Ну, это... что-то типа... пятого элемента. Так, наверное, понятнее будет. Фильм помнишь?

— Да, конечно, — кивает Элли.

— Это — энергетический кристалл. По преданию, дает силу и энергию крымчанам. Но я не верю, конечно, во всю эту эзотерику.

— А откуда тогда свет?

— Сейчас он погаснет. Видишь, ослабевает. Тут много фосфора. Он накопил световую энергию от фонарика и теперь отдает.

Гротик медленно заполняет темнота.

* * *

С разных сторон на обочинах стоят тюнингованный «Kia Sportage» и «каблук»-«опель». Грег выскакивает из кроссовера. Бежит через дорогу к «каблук», а Элли выходит ему навстречу. Но стоит рядом, не закрывая дверцу.

— И где ты пропадала? Почему не звонила?

Элли пожимает плечами.

— Тут на твой номер разные уроды звонили. Один сказал, что ты с ними и просишь приехать. Я говорю: «Дай Элли трубку». А он говорит, что ты не можешь говорить. Мы уже поехали, куда он велел за тобой приезжать, но потом еще один звонок. Совсем другой чувак уже тебя спрашивал. Он хоть более-менее прояснил ситуацию. Сказал, что его Лев зовут. Спросил, куда позвали приехать. Велел ждать. Потом перезвонил, что не надо туда ехать. Мы уже вообще перестали что-то понимать. Кто свой, кто чужой. Все равно поехали до той бензозаправки, которую нам первый назвал...

— Ну ладно, Гриша, все ясно. Я же нашлась.

— Да, только потому, что пришли твои фотки в пещере с еще одного номера незнакомого. Я его набрал. Адекватный мужик оказался. Сказал, что везет тебя к Крымскому мосту. Это он?

— Да, он, он. Подожди две минуты. Я сейчас.

— А кто он?

— Крым.

— Как?

— Да просто хороший человек. Ему уехать надо с нами из Крыма. Подожди, Грег.

Элли садится обратно в «опель». Грег идет в сторону кроссовера. Крым так и сидит за рулем. У него звонит телефон. Номер неизвестный.

— Слушаю.

В трубке сухой мужской голос:

— Крым Вениаминович Бабаджан?

— Да. Слушаю.

— Служба судебных приставов. Капитан Егоров. Вы не явились в суд по делу о неуплате налога. Вынесено решение в пользу истца, налоговой инспекции. По решению суда до момента уплаты вами долгов по налогам подлежит аресту и изъятию ваше движимое имущество — автотранспортное средство «опель-комбо». Автомобиль может быть изъят сотрудниками ГИБДД, сотрудниками таможни и погранвойск. Долг, штраф и пени вы можете оплатить в любом отделении Сбербанка и прислать нам квитанцию об оплате. Тогда решение об изъятии имущества может быть аннулировано.

Крым опускает на колени руку с телефоном.

— Крым, тебе нельзя оставаться здесь. Те бандиты не дадут тебе жить. Найдут тебя. Поехали с нами. Первое время поможем обустроиться в Москве. Здесь тебя убить могут.

Крым молча смотрит в одну точку.

— И жена, и дети твои ведь уехали. Что тебя здесь держит?

Крым медленно поворачивается лицом к Элли.

— Да, наверное, ты права...

В это время у Крыма звонит телефон. Высвечивается «Мама». Крым сначала хочет ответить, но потом, передумав, слушает, как гудит телефон.

— Вы поезжайте, Элли. Я остаюсь. Иди. Хорошей дороги. Мы и не такое здесь пережили. Переживем и это.

Его телефон продолжает настойчиво звонить.

— Да, мама...

— Сынок, ты когда приедешь? У меня крыша где-то течет. В кухне по стеночке стекает. Посмотрел бы...

* * *

Кроссовер-«паркетник» несется в сторону Крымского моста. Все молчат. Только Дюха подпевает под мелодию, негромко звучащую по радио. У обочины женщина сидит на перевернутом ящике. На другом перед ней аккуратно выложенная пирамидка из яблок. Элли узнает в женщине ту, которая дала им яблоки, когда они только приехали в Крым.

— Гриш, останови.

— Яблок хочешь? У нас с деньгами по нулям. На бензин бы хватило.

— Останови. Мне папа переведет. Будут деньги.

Грег тормозит и сдает машину назад. Элли выходит из машины, переходит через дорогу к женщине. Вдалеке ее муж с тачкой едет к дому.

— Спасибо вам за яблоки. Вкусные они у вас.

— На возьми, дочка, еще.

Денег у Элли нет. Она разводит руками. Смотрит на свои руки. На пальцах два золотых кольца с камушками. Снимает колечко с изумрудом и кладет на ящик. Берет пять яблок, прижимает к груди и идет к машине. Оборачивается.

— Счастливо оставаться.

В машине Элли пишет сообщение. Отправляет. Пишет еще одно и тоже отправляет его.

Лев сидит за деревянным, наспех сколоченным столом под брезентовым навесом. Невдалеке видны БТРы. У него динькает телефон — пришло сообщение. Открывает. Там — селфи-фото Элли. И сообщение:

«Позаботься, пожалуйста, о моем Тотошке. У него тут проблем выше крыши, а мне сейчас в Москву надо. Летом обязательно приеду. Ты же уже глотнул смелости, мой храбрый Лев)))».

Крым копается в моторе своего «каблучка»-«опеля». У него динькает телефон. Сообщение.

«Крым, спасибо за все. Вот телефон того военного из БТР. Его зовут Лев. Будет совсем туго, звони, он поможет. И еще, пришли мне телефон твоей младшей дочери, которая в Москве. Я хочу с ней встретиться».

* * *

Еще через неделю Крым, как всегда, копается в моторе своего «каблучка»-«опеля». У него динькает телефон. Сообщение: «На вашу карту поступил перевод».

Он смотрит и не понимает, от кого пришла такая куча денег.

Снова звонит телефон. «Доча Маша».

— Привет, дочь. Рад слышать.

— Пап, спасибо тебе. Вот не ожидала. Мне девушка Элли бусы жемчужные принесла. Сказала, что ты передал. Красивые...

Крым идет к багажнику, достает коробочку из-под чая. Открывает. В ней только одна найденная Элли жемчужина.

Приходит еще одно сообщение. Оно от Элли:

«Крым, извини, что стащила жемчужную нить. Сама не понимаю почему. Но я тебе за нее честно деньги перевела. До встречи летом».